

Актуальность идей Н.Я. Данилевского для современной России

Несколько слов о себе. Я доцент Таврического, теперь Крымского федерального, университета. Курирую специальность «Политическая география и геополитика», на которую вот уже десять лет ведется отдельный набор. Являюсь членом экспертного совета при Совмине Республики Крым. У нас двадцать лет очень непростая была ситуация. Вы говорили о национализме. Совсем недавно, семь месяцев назад, у нас на собрании факультета был поставлен вопрос о необходимости ведения внутренней документации на украинском языке. Я сказал, что ни при каких условиях и никогда не буду писать ни одного слова по-украински. И не потому, что плохо отношусь к Украине или к украинскому языку – у меня двоюродная сестра бабушки написала знаменитую монографию «История Украины-Руси», одну из «библей» украинских националистов. Тот опыт, который мы пережили на Украине, – это мощная целительная прививка против радикальных форм национализма.

Почему произошло то, что сейчас называют крымским чудом? Это было совершенно непередаваемое ощущение: вечером 26 февраля, когда у нас погибли люди у Верховного Совета, мы знали, что завтра утром начнутся события, что на полдень назначена большая крымская резня. Мы уже попрощались с близкими, начали строить баррикады и думали, что – конец. А под утро появились «вежливые люди», и ситуация коренным образом изменилась. Крым легко и безболезненно стал вливаться в государственную систему России. Почему это произошло?

У нас в Крыму не наградили ни одного учителя, ни одного экскурсовода, ни одного библиотекаря, ни одного преподавателя университета – всех тех людей тихого подвига, которые все двадцать лет создавали эту общественно-политическую среду. От России мы были очень сильно оторваны. Часто встречались на разных конференциях с разными людьми, которые приезжали, обменивались мнениями, но разрыв этот все время увеличивался, и казалось, что уже пропасть образуется. Пропать с тем миром, от которого мы откололись в 1991 году не по своей воле. И уже не соединимся никогда и будем хранить эти островки, пока сами живы, и передадим своим детям, внукам. Вот, например, моя биография. Десять лет назад я окончил докторантуру, но из нежелания иметь ничего общего с тем, что называется «украинская официальная наука»... Вы имеете представление об украинской официальной науке? Там науки нет, там та же самая пропаганда и тот же самый «патриотизм». Во всех науках. Я представляю географию, в которой велик естественнонаучный раздел. Без обязательного упоминания в научных публикациях о великой Украине, о ее великой роли научная карьера невозможна. Потому я ушел из науки и сосредоточился на педагогике.

Киселев Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и регионального управления географического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: nvkis@hotmail.ru

Одним из стержней общения со студентами явилось то обстоятельство, что еще в советское время мне довелось столкнуться с творческим наследием Николая Яковлевича Данилевского, стать как бы представителем потомков Данилевского здесь в Крыму. Недалеко отсюда, в Форосе, было куплено в конце 60-х годов XIX века естествоиспытателем Данилевским имение, где и были написаны его знаменитые книга «Дарвинизм» и цикл статей «Горе победителям», посвященный войне за Болгарию. А до этого он жил в другом месте на Южном берегу Крыма, и там написал свое сочинение «Россия и Европа».

На восприятие Данилевского оказала огромное влияние энциклопедическая статья Владимира Соловьева в «Брокгаузе и Ефроне». Она на столетие предопределила отношение нашей интеллигенции к Данилевскому как к эпигону, как к человеку вторичному и т.д. и т.п. В советское же время к этому добавилась статья в энциклопедии «Гранат» о том, что Данилевский – это как бы людоед национализма. Здесь философы присутствуют, они знают, что первые диссертационные исследования по Данилевскому были сделаны одно в 1970-х годах и два – в 1980-х. Ситуация поменялась в 1990-х годах. Сначала было издано в сокращении «Россия и Европа», а потом появилось замечательное петербургское издание полного текста, подготовленное А.А. Галактионовым и Н.Н. Страховым. Я тогда занимался историей географии, изучал историю Русского географического общества. И в одном из выпусков было написано, что в Крыму умер известный естествоиспытатель Данилевский, в склеп пробурили скважину и туда вставили капсулу с гробом Данилевского. Мне было тридцать лет, и я никогда ничего о Данилевском не слышал. Потом прочел некрологи, где было написано совсем другое. Там возникло небольшое семейное кладбище, называлось оно «Кипарисовый зал». Эти кипарисы еще внучкой Суворова были посажены – это раньше было ее имение, – и они до сих пор растут. В центре этой поляны – могила Данилевского, потом могила его супруги, которая была внучатой племянницей Брянчанинова, ставшего прообразом отца Сергия у Льва Толстого. Там же похоронен сын писателя Писемского.

Это имение было передано Севастопольскому морскому заводу за успехи в первой пятилетке, и там был организован детский пионерский лагерь, который существует сейчас как детский лагерь Севастопольского морского завода. В прошлом году возникла идея перенести прах Данилевского в Форос, а на месте семейного кладбища построить коттедж. Владельцем Севастопольского морского завода является нынешний президент Украины Порошенко. Сначала семейное кладбище было уничтожено, оно было закатано в асфальт, там были поставлены палатки. Эти каркасы в 1996 году, в День славянской письменности и культуры, мы со студентами и аспирантами убрали. Вскрыли бетон, определили по фотографиям из альбома родственников, где находились могилы, дошли до гробов, облагородили это место, поставили православный крест. А в 2007 году благодаря усилиям семьи на могиле был установлен памятник, который целый год крымская таможня не пропускала. И сейчас там стоит памятник – раскрытая книга с известными словами из труда «Россия и Европа» о том, что для каждого славянина после Бога и его Святой Церкви идея славянства должна быть высшей идеей.

Начиная с 1994 года, на протяжении многих лет в Крыму проводились Чтения Данилевского, в которых принимали участие сотни представителей общественной науки, не только из Украины и России, но и из других стран. И все шло хорошо, пока имя Данилевского не стали использовать в целях политической борьбы, в том числе в Крыму. А в конце 2000-х Данилевский уже никому не нужен был здесь – только Русская община Крыма ежегодно в день рождения Данилевского приезжала на могилу и возлагала цветы. Причем очень сложно

было попасть на территорию детского лагеря. Даже имея в составе делегации депутата Верховного Совета, попасть туда можно было, лишь связавшись с Киевом, и оттуда давали разрешение на посещение могилы даже родственникам. Такая ситуация сохраняется и сегодня. Уже два месяца комиссия из Госсовета по охране культурного наследия и Комитет по охране культурного наследия не могут туда попасть – не пускают. Представители Порошенко не пускают. Боятся, что у них дело отберут, хотя родственники не имеют имущественных претензий, и они даже рады, что это находится на территории детского лагеря, потому что лучше не придумаешь – дети на этой территории.

Была масса идей по увековечению памяти Данилевского. Есть идея в нашем саду Таврического университета, в соответствии с концепцией сада, которая была применена Данилевским на Южном берегу, сделать такой уголок. У нас замечательный сад – через пять – десять лет он перегонит Никитский сад по флористическому богатству. А идея была очень простая. Данилевский в одной из своих книг написал: «Точно так же как в одном саду уживаются растения разных континентов, точно так же на планете Земля могут уживаться разные народы». Замечательная простая идея. В советское время его обвиняли в радикальном национализме. А он, в соответствии со своей теорией культурно-исторических типов, сад разбил на участки: Гефсиманский сад – это еврейская культура, Египетские горки – это египетский культурно-исторический тип... В конце концов у него 14-я глава, где он пишет: я предыдущими главами заканчиваю научное изложение, а здесь позволю себе фантазировать. И там он описывает будущее русского мира. За эту главу Данилевскому более всего досталось от критиков. Начинает он с цитаты Хомякова, стихотворения о ключе славянском. И вот на территории имения есть замечательный источник, который тоже назывался «Славянский ключ». И эта идея сада и идея единства народов на планете Земля – одна из прекрасных идей, которая прекрасно репрезентирует русское национальное самосознание.

Не буду в профессиональной среде углубляться в тему. Хотелось бы назвать лишь несколько реперных точек историософии Данилевского. Прежде всего это теория культурно-исторических типов. Нет единой человеческой цивилизации, развитие идет различными культурно-историческими типами, или отдельными цивилизациями, и задача человечества заключается не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все то поле, которое предоставлено провидением для воспитания рода человеческого, исходить в разные стороны. Характеристики русского культурно-исторического типа, который дает Данилевский, полностью соответствуют словарной статье в энциклопедии, разъясняющей понятие «консерватизм».

Наконец, о ключевой политической идее. Им была высказана великолепная идея, в которой, впрочем, нет ничего оригинального. В практике наших политических оппонентов эта идея постоянно присутствует, а в нашей практике – очень часто отсутствует. Это идея национального эгоизма. Мы должны на мировой арене действовать исключительно в собственных интересах и только ими руководствоваться, должны пользоваться каждой ошибкой наших противников для достижения своих целей и укрепления мощи своего государства.

Надеюсь, что и в будущем Россия будет придерживаться этих принципов. В цикле статей Данилевского «Война за Болгарию» есть замечательные слова о том, что победа, вырванная нашей кровью, была легко сдана нашими дипломатами, воспитанными французскими гувернерами, лишенным национального сознания и чувства патриотизма. К большому сожалению, очень часто приходилось нам в Крыму, особенно тем, кто был связан с различными общественными организациями, общаться с дипломатами. С момента появления в Симферополе консульства Российской Федерации за все время – на мой взгляд, не на

чей-то другой, а именно на мой – лишь один вице-консул соответствовал занимаемой должности, остальные занимались чем угодно – фестивалями, экскурсиями, своей непосредственной консульской работой, – но никто не занимался тем, чем занимались консульства других государств, то есть не занимался продвижением российских интересов и поиском опоры здесь, среди местного населения.

Завершая выступление, хотел бы извиниться, потому что о своем участии в сегодняшней встрече я узнал лишь два дня назад и подготовить академический доклад у меня возможности не было. Имя Данилевского в Крыму стало широко известно благодаря усилиям очень многих людей. Мы довели ситуацию до того, что многие руководители Крыма были вынуждены читать Данилевского, потому что им приходилось участвовать в различных юбилеях Николая Яковлевича. Со стороны руководства Крыма звучали тосты за идеи Данилевского. И мне хотелось бы, чтобы мы не только тосты произносили, но сделали его могилу доступной, а имя – еще более известным в России.

М.А. Маслин. Большое спасибо, Сергей Николаевич. Ваше сообщение по поводу могилы Данилевского, по поводу мемориального кладбища, которое оказывается на территории, малодоступной не только для русских, а вообще для людей, это сообщение, конечно, услышано. И хотел бы внести одну поправку. Владимир Сергеевич Соловьев не виноват в своей ошибочной оценке Данилевского. Он воспользовался оценками малоизвестного немецкого историка.

С.Н. Киселев. Никоим образом Соловьев не виноват в том, что его так прочитали. Время такое было – его прочитали в соответствии с духом времени. И мы в процессе воспитания русского патриотического сознания потеряли одну из наиболее значимых фигур. Потом был блистательный Леонтьев. Просто я писал о Данилевском, а друг мой самый близкий писал о Леонтьеве. Я писал о скучном, а он – об интересном. Впрочем, о том же Данилевском я знаю массу историй и написал серию анекдотов из жизни Данилевского. Может быть, это будет еще воспроизведено...

М.А. Маслин. Расскажите хотя бы один.

С.Н. Киселев. Анекдот в классическом смысле. Вместе с Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским они в 1847–1848 годах работали на реке Сосне, где было имение родителей Данилевского (сейчас это на территории Липецкой области). Они разбирали ботанические коллекции. Петр Петрович обнаружил, что этикетки на коллекциях в основном из местности, находящейся в девяти верстах. И он стал расспрашивать Николая Яковлевича: «А почему ж у тебя этикетки в основном оттуда?». Тот, краснея и смущаясь, признался, что там жила дама его сердца, он девять лет за ней ухаживал, она была вдова генерала, они поженились, и через полгода она умерла от холеры. Или другой случай. В путешествии по России их чуть не убили во время чумного бунта только лишь за то, что у них был тубус с картой. Крестьяне считали, что таким образом они распространяют инфекцию. Еще интересная история. Все вы знаете, в каких количествах в годы Великой Отечествен-

ной войны потреблялась астраханская сельдь. А благодаря кому эта рыба была введена в пищу? Раньше ведь ее не ели – рыба эта семейства частиковых, называлась бешенка. Она шла до Саратова на нерест миллиардами голов. Ее крестьяне отлавливали, в бочках все это гнило, а потом этим удобряли поля. И вот экспедиция во время блокады, во время Крымской войны. Тогда в России сельдь фактически исчезла – ведь в Петербурге в основном потреблялась голландская сельдь. Надо было найти замену. Министерство госимуществ направил на Каспий экспедицию Карла Бэра и Данилевского. В результате астраханская сельдь появилась как продукт питания и началась интродукция ценных пород рыб. Кстати, тогда же они поучаствовали в освобождении Тараса Григорьевича Шевченко, который писал: «Уехал Николай Яковлевич, и сердце мое оборвалось на чистой русской мове». И таких историй еще немало.

Реплика. Виноградники.

С.Н. Киселев. О, это великолепная история. Когда появилась филлоксера, Данилевский все свое состояние вложил в виноградники. Он придумал радикальный метод борьбы с филлоксерой – полное уничтожение. Он этот метод рекомендовал и в качестве примера уничтожил свои виноградники. Семья его была фактически нищая. У меня есть фотография года 1913–1915-го. Они сидят за голым столом, без скатерти. Вроде и дворяне, и люди служивые, а так и не поднялись в финансовом смысле с 80-х годов XIX века.

А.В. Черняев. У меня вопрос фактологического плана. Вы упомянули Брянчанинова, имение которого находилось где-то...

С.Н. Киселев. Это дядя супруги Данилевского Ольги Николаевны.

А.В. Черняев. ...И сказали, что он стал оптинским старцем. Имеется в виду Игнатий Брянчанинов или какой-то другой Брянчанинов?

С.Н. Киселев. Да, Игнатий Брянчанинов.

А.В. Черняев. Игнатий Брянчанинов, которого Лесков вывел в повести «Инженеры-

бессребреники», окончил Военное инженерное училище, затем принял монашество, был настоятелем Троице-Сергиевой пустыни в Санкт-Петербургской епархии, епископом Кавказским, потом ушел на покой и доживал в Николо-Бабаевском монастыре Ярославской епархии. Он, может быть, был духовно связан с оптинскими старцами...

Е.Л. Балашов. У меня несколько вопросов, интересно ваше мнение. Западничество XVIII–XIX веков насколько сильно отличается от сегодняшней либеральной тенденции? Второй вопрос. Идеи и ценности Данилевского связаны с идеей славянства. Сегодняшняя тенденция евразийской интеграции, насколько я понимаю, направлена больше на юг и восток, особенно учитывая тенденции нескольких последних месяцев. Как вы думаете, какая тенденция будет актуальна в предстоящие десять лет, учитывая идеи Данилевского?

С.Н. Киселев. По первому вопросу: в XVIII и XIX веках было идейное западничество. А сегодня, в глобализированном мире западничество лишь внешне похоже на то, что было век и два века назад. Это не идейное, а оплаченное западничество, это русофобия.

О Данилевском и современных тенденциях. Я много потратил сил на изучение наследия Данилевского, на его пропаганду, на общение с его родственниками, особенно нынешними, американскими. Они русские, но они и американские. У них подходы американские, деловые, быстрые – если памятник ставить, это надо делать за три дня, если надо оформлять документы на землю, то за один день. Но у нас так невозможно – сколько лет ничего не можем сделать. Я не являюсь каким-то апологетом Данилевского. Он признавал, что может ошибаться в своих теоретических исследованиях. Лучше всех об этом сказал близкий Данилевскому по духу Константин Леонтьев: «Славянство есть, славизма нет». Данилевский был панславистом. В центре его панславистского мира была Россия. Она, собственно, и есть квинтэссенция панславизма. Но здесь Данилевский ошибся. Славянство существует, а вот славизма как объединяющей идеи мы не видим. Наобо-

рот, видим глубокий раскол в славянском мире, вызванный не только внешним влиянием, но и внутренними процессами в славянских государствах. Крымский просветитель Исмаил Гаспринский говорил: стоит России освободить какой-то славянский маленький народ, как он тянет руки к Западу. Видимо, на Западе сформулировано что-то более привлекательное, чем от российского мира для небольших славянских наций. Кроме сербов, пожалуй. Что касается евразийской идеи, то сами евразийцы – и Петр Николаевич Савицкий, и Георгий Владимирович Вернадский – прямо указывают на Данилевского как на предтечу евразийских идей. Во всяком случае, территориальные контуры евразийского мира были очерчены в одной из работ Данилевского.

Б.В. Межуев. Мой вопрос тоже немножко провокационный, для полемического оживления. Данилевский считал, что России следует бороться за славянский особый культурно-исторический тип. Он был сторонником экспансии России. В этом году столетие Первой мировой войны. Россия вступила в ту войну в соответствии с этим рецептом – идеей спасения славянского братского государства Сербии. И тот мир, который консерватор Данилевский защищал, завершился. Как вы считаете, есть ли ответственность Данилевского за трагедию русской государственности, которая началась в 1914 году?

С.Н. Киселев. Конечно, идеи Данилевского ложились в тот тренд, который сформировался где-то после русско-японской войны, в русской литературе, прежде всего в художественной литературе, в прессе. Ведь если мы откроем прессу 1914-го, даже 1913 года... Война назревала, и идея славянства была одной из центральных. Встречал мнения о том, что идеи Данилевского каким-то образом повлияли на Павла Николаевича Милокова, который заявлял, дескать, поднимем русское знамя и крест над Святой Софией в Царьграде. Мало кто об этом знает, но в феврале 1917 года в Крыму была сосредоточена дивизия георгиевских кавалеров. Она должна была стать одной из четырех десантных дивизий, которые в апреле должны были захватить Стамбул – Константинополь будет наш. Единственный крупный государственный деятель, который в какой-то степени пытался применить

идеи Данилевского к основам государственного управления в России, был Александр III. Человек, обвиненный в национализме, обвиненный во всех смертных грехах, которые могут быть предъявлены русскому человеку, Данилевский, его идеи, воспринятые в государственной практике, оказались самыми миролюбивыми. Самое меньшее число человеческих жизней при Александре III было потеряно. Не думаю, что ответственность на Данилевском...

Б.В. Межуев. На мой взгляд, Россия не могла не вступить в ту войну. Но эта точка зрения абсолютно оспариваема, потому что common sense, что это была ошибка, что это привело к плохим последствиям, что не надо было этого делать. Мне представляется, что в тот момент была некая реальность славянского братства. Сейчас ее уже нет. То есть мы из сегодняшнего дня смотрим на ту ситуацию, на проблему славянства. Но тогда она все-таки была реальной. И отношения с Сербией сохранились до конца.

С.Н. Киселев. В Крыму в годы войны был уникальный случай. У нас тут была механизированная словацкая дивизия «Рыхла». Так ее специально вывели из Крыма, потому что словаки всей дивизией собирались переходить. Малоизвестный факт: батальон словаков, после того как уже большая часть словаков перешла

к крымским партизанам, снялся с позиций и ушел в лес. Немцы его окружили, пошел тяжелый бой. Убили несколько сот словаков, остальных арестовали и увезли, а дивизию вывели из Крыма. У нас в горах памятники стоят словакам. Были случаи, когда словаки сознательно рисковали, отдавали жизнь, спасая своих побратимов. И книга о партизанах-словаках в Крыму так и называется «Побратимы». А потом они были активными участниками словацкого восстания.

А.Ю. Минаков. Буквально одну реплику в защиту Данилевского. Борис Вадимович [Межуев. – *Ред.*] поставил вопрос о возможной ответственности Данилевского за втягивание России в Первую мировую войну. Все-таки мечта о Босфоре и Дарданеллах восходит к греческому проекту Екатерины, она не случайно называет одного своего внука Константином, другого Александром. Это гораздо раньше, чем появилась книга Данилевского. И второе: думаю, панславистская риторика, присущая русским либералам, которые заняли ультрапатриотическую позицию и буквально втягивали Россию в войну, играла куда большую роль. И еще большее значение имели союзнические обязательства России по Антанте. Именно это привело к втягиванию России в войну. Поэтому думаю, что роль Данилевского здесь минимальна, если вообще прослеживается.